

ВОЛОГОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

СМОЛЬНИКОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

**АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА
ВЕРХНЕГО ПОДВИНЬЯ В XVII В.**

*(на материале памятников местной
деловой письменности)*

Специальность 10.02.01 - русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

*диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук*

ВОЛОГДА
1996

Работа выполнена на кафедре русского языка
Вологодского государственного педагогического университета.

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ:

доктор филологических наук, профессор ЧАЙКИНА Ю. И.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ:

доктор филологических наук, и. о. профессора БАХВАЛОВА Т.В.,
кандидат филологических наук ВАРНИКОВА Е.Н.

ВЕДУЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ:

Институт лингвистических исследований РАН.

Защита состоится 22 октября 1996 г., в _____ ч., на
заседании диссертационного совета К 113. 47. 01 в Вологодском
государственном педагогическом университете (160600, г.Вологда, ул.
Орлова, 6).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Вологодского
государственного педагогического университета.

Автореферат разослан 21 сентября _____ 1996 года.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент Л.Ю. ЗОРИНА

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В настоящее время антропонимия, представляющая собой определенным образом организованное лексическое множество, с точки зрения системности практически не изучена, несмотря на то, что постулированы системного характера антропонимии, а также широкое использование термина “антропонимическая система”, характерно для многих исследований.

В русской исторической ономастике отсутствуют последовательные критерии антропонимических классификаций, часто смешиваются собственно языковые и функционально-речевые характеристики антропонимов. Особенно показательны в этом отношении исследования старорусских фамилий, некалендарных личных имен, составных личных именований.

В данной работе рассматривается антропонимия, отмеченная в памятниках деловой письменности Верхнего Подвизья конца XVI-XVII вв.

Специфика привлекаемых к анализу источников заключается в том, что они в большей степени отражают развитие официальной системы именования лица и позволяют судить лишь об одной сфере функционирования антропонимов. Официальный документ предполагал свои принципы именования лица. Он не требовал создания новых антропонимических единиц, а использовал уже готовые, нормируя их употребление в функции социальной идентификации лица. Отсутствие строгих норм официального именования в XVII веке способствовало вовлечению в документы самых разнообразных антропонимических средств. Это позволило при их анализе выйти за рамки описания только системы официального именования и сделать выводы об антропонимической системе в целом, объективно отражаемой источниками. В данной работе исследование ведется в двух направлениях: структурно-языковом, предполагающем описание антропонимии как языковой лексической подсистемы, и функционально-речевом, предполагающем описание особенностей ее функционирования в текстах деловой сферы.

Целью работы является системное описание антропонимии, отмеченной в памятниках деловой письменности Верхнего Подвизья XVII в. Данная цель требует решения следующих задач:

- а) выявление и разграничение основных факторов образования антропонимии как языковой системы и ее функционирования в деловой речи;
- б) анализ антропонимов в номинативном аспекте: рассмотрение двух основных способов номинации (номинация - словоупотребление и номинация - словообразование) и их разновидностей, выявление средств номинации;

в) выделение и исследование основных антропонимических множеств (личных имен, патронимов, андронимов, фамилий и составных именованных), а также подмножеств в их составе, анализ системных связей между множествами и подмножествами;

г) характеристика связей и отношений между единицами множеств и подмножеств (парадигматических, в том числе вариантных, деривационных, и синтагматических);

д) анализ функционирования антропонимической системы Верхнего Подвинья XVII века, выявление координирующего воздействия системы в целом на использование тех или иных средств антропонимической номинации;

е) характеристика системы официального именования лица в памятниках деловой письменности, тенденций и динамики ее развития;

ж) описание локальных особенностей антропонимической системы Верхнего Подвинья XVII века.

Материалом исследования послужили именованные жители Устюжского, Сольвычегодского (Усольского) уездов и Устьянских волостей в памятниках деловой письменности XVI-XVII вв. различной жанровой принадлежности, что позволило более объективно рассматривать формирование и развитие норм официального именования лица. В общей сложности к исследованию привлечено более 20 тысяч именованных.

Системный анализ антропонимии Верхнего Подвинья XVII в. потребовал разграничения различных подходов, определяемых спецификой материала: во-первых, антропонимы рассматривались как элементы языковой подсистемы, имеющей сложную иерархическую организацию и занимающей определенное положение в системе лексики в целом; во-вторых, как компоненты более сложных по структуре номинативных единиц - составных личных именованных; в-третьих, как одно из средств идентификации лица в официально-деловой речи XVII в.; в-четвертых, как структурная единица текста или его части, соответствующая одному высказыванию. Методами исследования при этом явились традиционные для ономастики описательный, сравнительный, структурно-сопоставительный, статистический методы, а также использовались приемы моделирования и текстологического анализа.

Научная новизна исследования состоит в следующем. Всестороннему анализу в нем подвергается антропонимия Верхнего Подвинья XVII в., систематически не изучавшаяся. Исследованы обширные антропонимические данные, отмеченные в памятниках деловой письменности, большей частью, рукописных, не введенных в научный оборот до настоящего времени. Впервые сделана попытка системного анализа антропонимии определенного региона в структурном и функциональном аспектах, описаны основные виды отношений, связывающих антропонимы,

сделаны выводы о некоторых особенностях номинации в сфере антропонимов, показана зависимость антропонимикона деловой письменности от принципов официального именования XVII в., от назначения и жанра документа, рассмотрена динамика развития системы официального именования лица на территории Верхнего Подвинья в XVII в.

Научная и практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы при изучении особенностей развития антропонимических систем других старорусских территорий, а материалы привлечены для их сопоставления. Основные выводы исследования могут найти отражение в обобщающих работах по системному анализу лексики, ономазиологии, исторической ономастике, исторической лексикологии и лексикографии, при составлении антропонимических словарей русского языка. Материалы и результаты исследования могут быть применены в вузовском преподавании курсов истории русского языка, лексикологии, в спецкурсах и спецсеминарах.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были дважды обсуждены на кафедре русского языка Вологодского государственного педагогического университета (февраль, июнь 1996 г.), получили отражение в докладе на межвузовской научной конференции "Проблемы региональной филологии" (Вологда, 12-13 мая 1995 г.) и в трех научных публикациях.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав и заключения (185 маш.стр.). Приложением к работе являются: список использованной литературы и источников, сравнительные таблицы частотности календарных и некалендарных имен в описании разных волостей в писцовых книгах, алфавитный указатель личных имен Верхнего Подвинья.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении раскрываются актуальность и степень научной разработанности темы, формулируются предмет, цель, задачи, методы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, обосновываются принципы анализа материала. Отмечается приоритетность ономазиологического подхода для описания антропонимической системы, указывается на то, что создание антропонимов, как и любых других лексических единиц, не произвольно. Оно обусловлено неязыковыми и языковыми суппозициями (Голев Н.Д., 1989, 5 и др.), которые терминологически определяются как неязыковые и языковые мотивации. К первым следует отнести признаки и свойства называемого объекта, оценку их называющим, цель создания нового или перенесения на новый объект уже существующего антропонима и т.д., ко вторым - наличие в языке лексических средств той или иной степени экспрессивности, служащих

для названия лица по его признакам и свойствам, словообразовательных моделей обозначений лица и т.д. (лексические и структурные языковые мотивации) (Яценецкая М.Н., 1977; РГ-80; Блинова О.И., 1984 и др.).

В антропонимической системе, имеющей сложную иерархическую организацию, выделены два основных класса антропонимических номинативных единиц, различающихся характером производности и степенью сложности. Они определяются как антрополексемы (цельнооформленные антропонимические единицы: *Потапко, Жданко, Сыч, Федоров, Котов, Алеишковых, Ядрихинских*) и антропосинтемы (деривационные сочетания антрополексем, комбинаторные антропонимические единицы: *Потапко Федоров Котов, Жданко Коновалов, Пвашко Сыч, Матюшка Терентьев Алеишковых, Петрушка Васильев Ядрихинских*). Промежуточное положение занимали аналитические антропонимы (*Васка Жданов Коновалова, Ивашко Прокофьев сын Мурат*).

Основными типами номинации в сфере антрополексем определяются номинация - словопотребление (использование готовой номинативной единицы, сообщение ей новой семантической функции) и номинация - словообразование (создание формально новой единицы). Основной способ номинации в сфере антропосинтема - аналитизм (описательный способ).

В первой главе рассматриваются личные имена в антропонимической системе Верхнего Подвинья XVII в., выделяются основные их группы с точки зрения языковой и неязыковой мотивированности, описываются формально-ассоциативные и деривационные связи антропонимов внутри подсистемы, отмечаются основные трудности, возникающие при анализе системы личных имен XVII в., восстанавливаемой на материале памятников деловой письменности.

Подсистема личных имен Верхнего Подвинья объединяла имена, связанные с различными принципами именования, определяемыми неязыковыми факторами. Рассмотрим их основные группы.

По характеру неязыковых мотиваций различались календарные и некалендарные имена. Среди календарных имен жителей Верхнего Подвинья XVII в. выделены четыре основных группы: календарные имена духовенства (*Двинанин Агей, постригди его, в иноцѣх Агафон; с Шемоксы из Псаковы деревни Харитон, во иноцѣх Христофор; старец Ефросин, а в мире был Ефрем*), календарные имена-прозвища (*Козьма Тихон Онофреев сын Пустозер; Фома по прозвищу Иван Дмитриев сын Ярославец, Меркушка а прозвище Перша Федоров*), частые и редкие календарные имена, данные при крещении.

Состав имен, даваемых при крещении, был неоднороден. Одни из них (*Иван (Ивашко), Федор (Федка), Василий (Васка), Григорий (Гришка), Семен (Сенка, Семейка), Степан (Степка, Степанко), Михаил (Михалко, Мишка), Яков (Якушка, Якушка), Петр (Петрушка), Андрей*

(*Андрюшка*), *Дмитрий* (*Митка*), *Афанасий* (*Офонка*) и др.) употреблялись чаще, соотносились с широким кругом денотатов, что и определяло предпочтение в их выборе при именовании. Другие были редкими, наречение ими было обусловлено только христианскими святыми.

Для употребления всех календарных имен в той или иной степени характерно уподобление именуемого другим носителям этого же имени. Несмотря на то, что календарные имена отражали ряд наиболее общих признаков именуемого (например, “мужчина”, “русский”, “христианин”), выбор их не зависел от индивидуальных свойств лица и не был мотивирован ими. Напротив, само имя должно было сообщить нарекаемому определенные признаки и свойства человека (христианского святого, предка, родственника, другого носителя этого имени).

Использование частых имен приводило к одноименности, часто носившей внутрисемейный характер. На территории Верхнего Подвинья XVII в. самый высокий коэффициент одноименности и при этом наиболее разнообразный репертуар имен отмечен в местах наибольшей концентрации населения, среди жителей городов. Среди крестьян он выше в волостях, расположенных вблизи города. На периферии он высок в густонаселенных волостях.

Большинство отмеченных некалендарных имен выделяло именуемого по его индивидуальным внешним и внутренним признакам. Эти неязыковые мотивации объективировались создаваемыми антропонимами. Личные имена, данные в младенчестве, отражали порядок рождения (*Первый, Пятой, Семей* и др.), время рождения (*Весняк, Подосен, Постник* и др.), обстоятельства рождения (*Ждан, Бажен, Томило, Износко, Поздей* и др.), внешний вид (*Беляйко, Рудачко, Грязной, Глазан* и др.), особенности поведения младенца (*Безсонко, Вопилко, Гаркун, Говорко, Голуза, Кричко, Брызгало, Брык, Бута, Козонок, Пинайко, Хватайко* и др.). Личные имена, данные в течение жизни, закрепляли наиболее яркие признаки именуемого, важные для его идентификации. Такими признаками были внешний вид именуемого (*Гладыш, Косолап, Безрукой, Кудреватой, Круглыш, Бобр, Кулебака, Корена, Коттяй* и др.), черты характера (*Удалец, Ханжса, Бык, Каша, Кислой, Дутой, Копос, Батура* и др.), особенности поведения (*Бахарь, Рукомах, Зуб, Дрокованко*, и др.), образ жизни (*Брага, Волокита, Кот, Короб*), профессия или род деятельности (*Швец, Перевозник, Бобровник, Дьячок* и др.), социальные или возрастные характеристики (*Мужик, Крестьянин, Богомол, Старожил, Малой, Пахолок*), место рождения или проживания (*Южак, Вологжанин, Слободчик, Загарский, Вага, Пинега, Москва* и др.), родство или свойство (*Братенник, Племянник, Дед, Пасынок*), этническая принадлежность (*Литва, Корела, Зырянин*) и др.

Наблюдения над репертуаром личных некалендарных имен показы-

вают, что на территории Верхнего Подвинья особенно частыми были внутрисемейные имена, данные до крещения и связанные с порядком рождения: Первой (Первушка), Вторушка, Третьяк (Тренка), Пятушка, Шестачко, Десятко, а также с обстоятельствами рождения ребенка: Поспел, Ждан, Бажен, Томило, к этой группе должно быть отнесено и имя Богдан.

Среди имен, данных в младенчестве, выделяется особая группа апотропейческих (охранительных) личных имен (Нехорошей, Худяк, Нечай, Безчастной и др.), наречение которыми не зависело от личных свойств именуемого и было определено неязыковыми мотивациями другого порядка, в первую очередь, сакрализацией имени, что сближало их с именами календарными. Имя, называющее лицо по отсутствующим у него отрицательным свойствам, должно было уберечь младенца от сглаза, порчи и т.п.

В особую группу мы выделяем антропонимы, использовавшиеся с целью преодоления внутрисемейной тезоименности. Чаще всего это были лексемы Большой и Меньшой (Тимошка Большой да Тимошка Меньшой, а прозвище Казак, Дмитриевы дети, кузнецы).

В антропонимии Верхнего Подвинья XVII в. отмечены татарские (мусульманские) личные имена (БакиБико Нифонтов, Гришка Тимофьев Карым Соснин, Ивашко Прокофьев сын Мурат и др.).

В исследуемых источниках крайне редко встречаются имена финно-угорского происхождения и имена коми: Шаран, Куим, Кырчег, Чижез и др.

Наблюдения над использованием некалендарных личных имен среди разных социальных категорий населения показывает, что горожане и крестьяне выбирали одни и те же наиболее употребительные календарные и некалендарные личные имена. В целом репертуар их у крестьян был не менее разнообразен, чем у горожан. Наши наблюдения подтверждают вывод о том, что в данный период не существовало сословных ограничений в выборе личных имен.

При выделении основных групп имен с точки зрения их языковой мотивированности нами учитывались тип номинации и лексические средства, на базе которых создавались антропонимы.

Рассмотрим имена, соответствующие типу номинации-словоупотребления. Ее основными способами являются: семантическая деривация, в том числе онимизация (сужение объема понятия до единичного конкретного денотата) и трансонимизация (изменение антропонимического денотата).

Для старорусской антропонимии характерен особый способ номинации-словоупотребления, проявляющийся, прежде всего, в наречении календарными именами. При назывании календарным личным именем не создавалось новой антрополексемы, а изменялось денотативное

значение уже имеющейся. Данная группа мотиваторов может быть определена как "Личные имена". На наш взгляд, о языковой мотивации можно говорить только применительно к частым календарным именам и именам-прозвищам.

Антропонимы, образованные в результате онимизации апеллятивов, соотносимы с двумя большими группами мотиваторов - нейтральными и экспрессивными лексемами - характеристиками лица.

Нейтральные (классифицирующие) обозначения лица, мотивировавшие антропонимы, были достаточно разнообразны: мужик>Мужик, казак>Казак, богомол>Богомол, келейник>Келейник, старожил>Старожил, поп>Поп, пахолок>Пахолок, дед >Дед, братенник>Братенник, корела >Корела, зырянин >Зырянин и др. Наиболее часто лексической базой создания прозвищ, отмеченных в источниках, являлись существительные тематической группы "Названия лица по месту проживания или рождения" (катойконимы). Например: Иваико Иванов Ёдомец, Стенка Савинь Южанинъ, Тренка Малковъ Лалетин, Данилко Иванов Сухонец. Второй наиболее частой группой мотиваторов были "Названия лица по профессии и роду деятельности": нищей Фетка Григорьев сынъ Гроботес, Сенка Сапожникъ, Пашко Шапочникъ, Якунка Часовщикъ, Онашка Полстоваль, Тимошка Швал, Микитка Квасоварь, Якунка Перевозчикъ, Варфоломейко Кузнецъ и др.

Особое место в ряду классифицирующих апеллятивов - мотиваторов личных имен занимали субстантивированные порядковые числительные: первой >Первой, второй>Второй, пятой>Пятой, шестой>Шестой, девятой >Девятой и др. Высокая частотность данной модели антропонимов позволяет утверждать, что данные лексемы существовали в языке уже как потенциальные личные имена. Они близки к мотивирующей группе "Личные имена".

Экспрессивные мотиваторы личных имен были более разнообразны. Многие экспрессивные обозначения лица создавались способом аффиксации от основ глаголов (ляпун, лыгало, волокита, дрокун, бахарь, верещига и др.), от основ прилагательных (удалец, рудак, лихач, русин и др.) в прямых и переносных значениях, а также от основ существительных (голован, глазан, лобач, ушак и др.). Они выделены нами в одну общую группу.

Вторую группу составляли субстантивированные прилагательные в прямом значении: беспалой, безрукой, высокой, дряхлой, косой, кривой, лысой, несытой, носатой, озорной, сонной, страшной, хромой, а также в переносном значении: безсолной, гремячей, деревянной, дугтой, журливой, золотой, кислой, масляной, мутной, теплой и др. К этой же группе должны быть отнесены и субстантивированные причастия: отнятой, ростоптанной, поротой.

Третья группа объединяла мотивированные апеллятивы - переносные

(метафорические и метонимические) обозначения лица, лексикализовавшие тот или иной признак именуемого. Ср.: *бобр* 'животное' - *бобр* 'название человека за черный цвет волос', яросл. (СРНГ, 3, 38), *зуба* 'губа' (Срезн., 1, 606-607) - *зуба* 'упрямый, своенравный человек', вят., костр. (СРНГ, 7, 192), *каша* 'кушанье' - *каша* 'простак, трус, простофиля', волог. (СРНГ, 13, 148), мотивировавшие прозвища *Бобр*, *Губа*, *Каша* и др. Наши наблюдения показывают, что подобные обозначения лица чаще всего были связаны с названиями животных, названиями продуктов питания и кушаний, названиями частей тела человека и животных, названиями различных предметов домашнего обихода и др.

От указанных выше апеллятивов - мотиваторов личных имен следует отличать антропонимы, созданные в результате образной номинации от апеллятивов, не имевших значения лица: *береза* - *Береза* (*Елизарко Богомолов Береза*) и др. Разграничение случаев образной номинации и онимизации метафорических обозначений лица затруднительно на историческом материале.

Отдельную группу личных имен, созданных способом трансонимизации, составляли антропонимы, мотивированные топонимами. Эти прозвища катойконимического характера не имели апеллятивных соответствий со значением лица. Например: *Назарко Синеза*, *Семейка Шемокса*, *Ортемейко Шолга*, *Иваико Удима*, *Иваико Пинеза* и др.

Номинация-словообразование характерна для создания некалендарных личных имен от апеллятивных основ. Такие обозначения лица не были общеупотребительными, они не имели апеллятивной стадии употребления, а создавались сразу на онимическом уровне.

Способом аффиксации производились антропонимы по существующим словообразовательным моделям. В именовании жителей Верхнего Подвинья широко представлены случаи образования антропонимов - девербативов способом нулевой аффиксации: *Брык*, *Бук*, *Здрог*, *Зык*, *Рык*, *Шум*, *Скок*, *Шаст*, *Бормот*, *Торол* и др. Часто такие имена могли иметь флексию -а: *Болта*, *Куча*, *Пуга*, *Пыта*, *Руба*, *Шуба* и др. Такие лексемы могли производиться и с помощью аффиксов: *Балуи*, *Бушуй*, *Поблагуи*, *Пинаи*, *Хватаи*, *Таскай*, *Мазиха*, *Унесиха*, *Оплетиha* и др. Часто подобные имена образуют широкие альтернативные словообразовательные ряды: *Мазало* - *Мазан* - *Мазиха* - *Мазыга* (< мазати 'пачкать, марать', мазание 'лесть' (Сл. XI - XVII, 9, 8). Личные имена могли образоваться и от основ прилагательных: *Безуклад*, *Корота*, *Белоглаз*, *Косолап*, *Толстошея* и др.

Способом аффиксации создавались и некоторые прозвища - катойконимы. Ср.: *Д. Мыс*: в Пятунка Трофимов *Мысовой*; *Д. Селинская Заостровье то ж...* Симанко Акимов *Заостровной*; деревни *Липовицы* крестьянин *Перша Липецкой* и др.

Другим способом номинации-словообразования было сложение основ. Такие имена были двусловны. Они возникали в результате стяжения синтаксической фразы. Ср.: *Оголигуз* (< *оголи гуз*), *Падинога* (< *пади нога*), *Сценизуб* (< *сцени зуб*), *Ужгибок* (< *ужги бок*) и др., например: *Рукомах*, *Мокрошуб*, *Долгодвор*.

Способом аффиксации производились модификаты календарных и некалендарных имен. Модификация была новым актом антропонимической номинации, вторичным относительно именования исходным именем. Языковая мотивация модификатов могла быть как лексической, так и структурной.

Мотивирующие лексические базы модификатов представляли собой основы (собственно лексические базы): *Ондрей*>*Ондрейко*, *Гуляй*>*Гуляйко*; структурные отрезки лексемы (морфные базы) и неструктурные отрезки лексемы (неморфные базы). Морфные базы характерны для модификатов некалендарных имен: *Грязной*>*Грязка*, *Смирной*>*Смирка*, *Балуи*>*Балушка* и др. Неморфные базы целиком характерны для модификатов календарных имен, не обладавших структурной членимостью. Модификация их чаще всего предполагала усечение производящей основы. Усечение в ряде случаев было связано с формально-ассоциативными отношениями имен, выделением псевдоморфмантов: *Степан* - *Степа*, *Емельян* - *Емеля*, *Епифан* - *Епиха* (ср.: *Лоб* - *Лобан*, *Гриб* - *Грибан*, *Андрей* - *Андриан*, *Гурий* - *Гурьян* и др.). Сближению разных календарных имен способствовало их созвучие: *Савва* - *Саввин* - *Саватей* - *Савелий* - *Савастьян* (*Севастьян*) и др. В других случаях усечение обусловлено созвучием с апеллятивами: *Костянтин* - *Костя*, *Кормило* (*Корнилий*) - *Корма*, *Акакий* - *Окат* и др. Различные имена, например, *Филип* и *Филимон*; *Федор*, *Федот* и *Федосей*, сближали идентичные производные. Возможно, что в данном случае усечение основы обусловлено выделением псевдоморфемы, общей для разных антропонимов.

Характер мотивированности модификатов календарных имен был различен. Одни из них соотносимы с неусеченной основой или ее узнаваемым отрезком (сильная мотивация): *Терех* < *Терентий*, *Варлыга* < *Варлам*, в других случаях мотивация была слабой. Одни модификаты мотивированы только одной антрополексемой (мономотивация): *Панта* < *Пантелеймон*, другие - несколькими (полимотивация): *Парша* < *Парфен*, *Пармен*, *Парамон* и др. В сфере модификатов календарных имен, как правило, сильная мотивация - это мономотивация, а слабая - это полимотивация.

Неморфные мотивирующие базы модификатов некалендарных имен возникали в результате влияния модификаций имен календарных, ср.: *Нечай*>*Неча*, *Дунай*>*Дуня*, *Богдан*>*Богдаша*.

Структурная мотивация модификатов личных имен обусловлена су-

ществованием парадигматических рядов структурносоотносимых антропонимов: *Белый - Черный - Конный - Петряй - Федяй - Кузай; Малыга - Старыга - Софрыга - Ворлыга; Косток - Париук - Опиук - Васюк* и др. Чем значительнее такой ряд, тем сильнее структурная мотивация, выше продуктивность антропоформанта.

Модификаты личных имен имели разную степень производности:

<i>Первой</i>		<i>Первей</i>		<i>Первуша</i>		<i>Первушка</i>		<i>Первуница;</i>		<i>Мосий</i>		<i>МосЪико</i>		<i>Мосиец</i>		<i>Мося</i>		<i>Моська</i>		<i>Мосяга</i>
---------------	--	---------------	--	----------------	--	-----------------	--	-------------------	--	--------------	--	----------------	--	---------------	--	-------------	--	---------------	--	---------------

Совокупность деривационных отношений модификатов личного имени, определяемая последовательными и совместными мотивациями, представляет собой деривационную парадигму личного имени.

Самые большие трех- четырехступенчатые парадигмы отмечены у частых календарных имен: *Иван, Константин, Алексей, Павел, Михаил, Яков, Степан, Дмитрий, Василий, Федор, Левонтий* и др., а также образованные от полимотивированных основ: *Кур-* (*Кур-, Чур-*), *Пар-*.

Для некалендарных имен наиболее характерны двуступенчатые парадигмы: *Каиша>Каишица; Горло>Горлице*. Но они были различны у некалендарных имен с разной языковой мотивированностью. Особенно подвержены модификациям имена, восходящие к субстантивированным прилагательным (*Кривой>Кривец, Кривяка*). Модификации прозвищ, восходящих к названиям объектов окружающего мира, были ориентированы на апеллиативные качественные модели: *Батог>Батожок, Курица>Курочка, Копна>Копенка*. Почти не подвержены модификации прозвища, восходящие к апеллиативам-классифицирующим обозначениям лица. Такие случаи единичны: *Поп>Попко, Попец, Пономарь>Пономарко* и др.

Более сложные парадигмы имели частые некалендарные внутрисемейные имена, например, *Первой, Поздей, Малой* и др., что сближало их с календарными антропонимами.

Старорусские личные имена представляли единую лексическую подсистему. Системность их проявлялась в том, что на онимическом уровне лексикализировались одни и те же или сходные неязыковые мотивировочные признаки - признаки именуемых лиц. Способы номинации были общими для разных групп имен. Сходство средств номинации, наличие деривационных и формально-ассоциативных связей способствовали установлению мотивационных отношений, активному влиянию имен друг на друга. При этом календарные и заимствованные имена, не мотивированные ни индивидуальными признаками именуемых, ни лексическими средствами русского языка, представляли собой асистемное явление.

Развитие единой подсистемы личных имен вело к стиранию границ между различными по происхождению и функции группами личных имен, установлению между ними ассоциативно-деривационных отношений, ремотивации календарных имен, их модификации как способу установления внутренней формы, а, следовательно, преодолению асистемности в сфере личных антропонимов.

Трудно решаем вопрос о разграничении аффиксальных образований на апеллятивном и онимическом уровнях, парадигм модификатов и альтернативных словообразовательных рядов апеллятивов-мотиваторов (*Берда, Бердей, Бердило, Бердяк; Гриб, Грибан, Грибака, Грибаша, Грибуша; Груда, Грудца, Грудина, Грудка; Друг, Друган, Друганко, Другаика, Дружина, Дружинка, Дружко; Золотой, Золотило, Золотуха, Золотава, Золатавец* и др.). Относительная самостоятельность антропонимической лексики приводила к межсистемной омонимии аффиксальных образований. Сложный характер отношений апеллятивов и онимов заставляет более критически отнестись к устоявшимся в науке положениям о стремлении онимов к обособлению от апеллятивов и территориальному размежеванию апеллятивных и антропонимических словообразовательных типов.

Сравнение подсистемы личных имен Верхнего Подвилья XVII в. с подсистемами личных имен других старорусских территорий позволяет говорить о том, что закономерности их развития были общими для всей старорусской антропонимии в целом.

Наблюдения над функционированием личных имен показывают, что в рассматриваемый период отсутствовали юридически закрепленные нормы официального именования лица. Установлению их препятствовало непоследовательное разграничение писцами разных типов личных имен, сохранявших равноправие в идентификации лица. Выбор их зависел от жанровой специфики документа и манеры писца. Формирование норм официального именования, связанное с выбором наиболее оптимальных средств именования, приводило к противопоставлению различных групп личных имен, их постепенной дифференциации. Местные традиции официального именования в XVII в. различались характером употребления некалендарных имен, противопоставлением или непротивопоставлением их календарным антропонимам.

Официальные именования разных категорий населения различало использование дополнительных личных имен. Например, в Крестоприводной книге 1645 г.: у крестьян и половников такие случаи составили 3,1%, у горожан, посадских людей - 11,2%, у иногородних людей, привлеченных к крестному целованию в Устюге - 19,3%, у монастырских служек, келейных людей и вкладчиков. - 25,6%. Особенно высок процент данных именований у лиц, сменивших место жительства или социаль-

ный статус. Данная тенденция прослеживается и на материале других источников.

Во второй главе анализируются употребляемые в официальном именовании патронимы, андронимы и фамилии. В отличие от личных имен, идентифицировавших лицо путем выделения на уровне горизонтальных (синхронных) связей антропонимических денотатов, данные антропонимы отражают вертикальные (диахронические) связи, на основании которых лицо отождествляется с другими представителями определенной группы лиц (семьи). На основании этих отношений, мотивировавших антропонимы, выделяются антропонимические подмножества патронимов, матронимов и фамилий. Особое положение занимают именованья женщин по мужу - андронимы, их отличало, прежде всего, то, что они обозначали единичный денотат и могли функционировать подобно личному имени.

Патронимы и андронимы в зависимости от характера языковой мотивированности разделяются нами на простые (*Ворошилко Пятво; Пороша Брюхато; Худяк Нечаев; Якуня Тимохин; Четырка Григорьев; вдова Лукерьяца Ондриева; вдова нищя Аютка Мошниха*) и аналитические (*зъ Григорьемъ Ивановымъ Рыковымъ (<Иванъ, прозвищемъ Рычко, Васильевъ сынъ Боровского); Борис Дмитриевъ сынъ Нерадовского (<Дмитрей Трофимовъ сынъ Нерадовской); Васка Жданов Коновалова (<Жданко Коновалов); Васильевская жена Босого Матрена; гостинной сотни торгового человека Никифоровская бывшая женишко Ревякина Матронка Внифантьева дочь*). Для патронимов и андронимов, мотивированных одной антрополексемой (личным именем, фамилией), основным способом номинации является аффиксация, для мотивированных личными составными именованьями - описательный способ. Из патронимов наиболее употребительны простые антропонимы. Большая часть отмеченных в источниках андронимов имеет аналитический характер.

Омонимия словообразовательных средств патронимов и андронимов приводила к асистемности в антропонимии официально-деловой сферы. Очевидно, в разговорной речи этому препятствовала более узкая сфера функционирования данных антропонимов. Наиболее употребительными средствами преодоления асистемности следует признать последовательное употребление при антропонимах номенклатурных слов "сын", "дочь", "жена" и др. (*Овдотыца Иванова дочь, а Трофимова женишко*), мы рассматриваем такие патронимы и андронимы как одну из групп аналитических антропонимов, занимающую особое положение между простыми и описательными патронимами и андронимами. Этим целям также служило и размежевание формантов патронимов (-овь/-евь/-инь) и андронимов (-овск-/евск-/инск-) (*на Орину Павлову дочь на Порошинскую жену*).

По данным памятников деловой письменности Верхнего Подвинья XVII в. нами отмечены устойчивые фамилии у жителей городов и всех исследуемых крестьянских волостей. У крестьян они существовали уже в XVI в., но установить их антропонимический статус удается только при сравнении именованных одного и того же лица и его родственников в разных документах.

Ведущим способом номинации в сфере фамилий являлась семантическая деривация (трансонимизация). Такие фамилии мотивировались личными именами (фамильные прозвища), но чаще всего патронимами. В ряде случаев фамилии образовались по продуктивной модели способом аффиксации от ойконимов, что является яркой специфической чертой антропонимии региона. Специфичными для антропонимической системы Верхнего Подвинья являются фамилии на *-ых/-их*, мотивированные фамилиями. В именовании жителей Верхнего Подвинья XVII в. нами выделены 4 основных группы фамилий:

1). фамильные прозвища, образованные способом семантической деривации и мотивированные индивидуальными прозвищами; *Филка Степанов Шалыга - Фетка Филипов Шалыга; Гришка Иванов Бардакь - Гришка Иванов Бордаков.*

2). фамилии патронимического типа, образованные способом семантической деривации и мотивированные патронимами: *Офонка Чебыка (Шацкая волость, 1557 г.), с Шацкой волости Филка Прокопьев сын Чебыкин (1654 г.), Деревни Самылова крестьянин Логинко Филипов Чебыкин (1660 г.), Самоило Логиновъ Чебыкинъ (1662 г.)* и др. Патронимические фамилии на *-овъ/-евъ/-инъ* внешне не отличались от патронимов.

3). фамилии непатронимического типа (оттопонимические), образованные аффиксальным способом от топонимов - названий населенных мест: *д. Верховина - Стриленской волости Кондрашка Петровъ сын Верховинской; деревни Барсукова половник Иван Барсуковской* и др.

4). фамилии непатронимического типа (модификаты), образованные от фамильных прозвищ и патронимических фамилий. Антропонимы на *-ых/-их* были мотивированы фамилиями различных типов (фамильными прозвищами на *-ой*, патронимическими и непатронимическими фамилиями), например: *Савка Юрьивъ Вострых, Левка Емельянов Глатких, Омелька Иванов Исаковых, Матюшка Терентьевъ Алешковых, Ивашко Иванов Загарских, Петрушка Васильивъ Ядрихинских, Гришка Кирилов Чернорицких* и др. Мотивирующей базой антропонимов на *-ых/-их* являлась только одна словоформа род.п. множественного числа, выражавшая значение неличной принадлежности, поэтому они не склонялись. Образование фамилий на *-ых/-их*, на наш взгляд, нужно рассматривать как модификацию фамилий различных типов. Особенно характерны данные фамилии были для именовании крестьян (во второй поло-

вине XVII в. их включало 40-45% именованных, а у горожан 5-9%).

Наиболее продуктивным был патронимический тип фамилий. Влияние его приводило к модификации других фамилий, употреблению их в патронимической форме: *АлексѢю Семенову сыну Босово - на оброке за Олешкою Босовым; на Федора Хорошева - Федка Григорьевъ Хорошевых, Ивашко Левонтьевъ Шалахин ... лав. Ивашка Шелахинова*. Другим продуктивным типом были фамилии на -ской, нами отмечены случаи образования их от фамилий патронимического типа: *Тренка Петров Жилкинской - Тренки Петрова Жилкина*.

На материале памятников деловой письменности Верхнего Подвинья прослеживается определенное сходство в образовании антропонимов, топонимов, отантропонимических описательных конструкций и притяжательных форм, выражавших значение принадлежности/отношения (*Деревни Раменья Лобанова Парфенко Первого сын Лобанов; полянка Ивашевская Скороносова да Миткинская Хохлова; за Ивашиковым двором Федорова*). Это позволяет говорить о единой ономастической системе региона. В XVII в. онимы сохраняют свою мотивированность, о чем свидетельствует варьирование их структуры и устойчивость перекрещивающихся связей компонентов разных подмножеств.

Особенно отчетливо системность фамилий проявляется в закономерностях их варьирования, определяемого информационной нагрузкой и функцией, выполняемой в именовании: выделение имени среди других лиц (фамильные прозвища), подчеркивание потомственно-наследственных связей (фамилии в составе патронимического компонента в форме род. п., фамилии патронимического типа), отождествление через принадлежность к определенному семейному коллективу (фамилии на -ской и на -ых/-их) и т.п. Ср., например: *Тимошка Васильевъ Осетров, ... Тимоши Васильева Осетра, для Осетровского Тимофия* и др. Неустойчивость формы записи фамилий, невыделение их из числа патронимов были определены тем, что фамилия в XVII в. еще не была обязательной антропонимической категорией в официальных именовании горожан и крестьян. Варьирование фамилий, незакрепленность формы их фиксации свидетельствуют о том, что в XVII в. они не подвергались нормированию, и, следовательно, являлись неофициальным дополнительным средством идентификации лица. Поскольку нормы официального именовании не требовали указания фамилий именуемых, то патронимы и фамилии не разграничивались писцами и употреблялись как функционально-эквивалентные антрополексемы независимо от их различного антропонимического статуса.

Фамилия в самостоятельную категорию официального именовании выделяется только во второй половине XVII в. Трехкомпонентные формулы, включающие в качестве третьего компонента фамилию, раньше

устанавливаются в именовании крестьян, это отражает специфику антропонимии деловой сферы на территории Верхнего Подвалья.

Формальное сходство патронимов и фамилий требовало от составителя документа их дифференциации. Разграничению патронимов и фамилий писцами способствовало продуцирование фамильных формантов *-ский* и *-ых* и модификация с их помощью фамилий патронимического типа. Это характерно прежде всего для крестьянских фамилий. Возрастание числа фамилий на *-ской* и на *-ых/-их* сопровождалось резким сокращением фамилий патронимического типа.

С дифференциацией патронимов и фамилий связано появление более сложных по структуре именованных горожан и крестьян. Если в именовании сельских жителей могли вовлекаться разные фамилии одной семьи, возникшие в результате выделения семьи в рамках большесемейной крестьянской общины: *Томилко Ишенин да племянник иво Онисимко Ишенин Гурьилевы* (в именовании их функция сходна с функцией дополнительного личного имени, ср.: *нанят в даточные Иваишко Тимофьев Вертковы Пачаев*), то в именовании горожан чаще всего это фамилии, представляемые патронимам, образованным от прозвищ: *Офонка Микифоров сын Козлов Рябков, бобыл Девятко Пахомов Трескин Витезев, по купчей Жданка Федорова Капустина Козицына*.

В третьей главе рассматриваются составные личные именованные в антропонимической системе Верхнего Подвалья XVII в. Как номинативные варианты антропонимов они возникли в официальной речи в результате изменений требований к объему сообщаемой информации об именуемом. Составное именование включало в свою структуру разные лексические, в том числе и антропонимические, средства, отражавшие различные признаки, по которым идентифицируется лицо. Именование представляло единую сложную номинативную единицу, включающую антропонимы и апеллятивы.

В связи с образованием единого централизованного государства и расширением сферы функционирования деловых текстов значительно возрастают требования к средствам официальной идентификации лица, возрастает их объем. Структура именованного лица зависела от модели именованного, определяющей состав номинативных компонентов. Модели именованного лица в разных жанрах деловой письменности Верхнего Подвалья XVII в. были различны, они зависели от назначения документа.

В составе официального именованного нами выделены следующие номинативные компоненты: средства индивидуализации лица (индивидуализирующий компонент - <ИК>), указание прямых потомственно-наследственных отношений (патронимический компонент - <ПК>), указание правового статуса замужних женщин, указание на юридическую зависимость от других лиц, указание на принадлежность к семей-

ному коллективу (фамильный компонент - <ФК>), указание на место жительства, указание социального статуса лица, название социального положения, связанного с институтами церкви, указание профессии именованного лица, указание должности именованного лица, этнонимы. Способы выражения их были разнообразны, единые критерии к их выбору отсутствовали. Поскольку официальное именование, включавшее эти характеристики, представляло собой единую номинативную единицу, удобство употребления которой зависело от ее лаконичности, то это приводило к полифункциональности номинативных компонентов именования, интеграции антропонимических и апеллятивных средств. Как показывает анализ именовании жителей Верхнего Подвья XVII в., функции антропонимов и апеллятивов в них часто смешивались. Закономерны попытки использования антропонимов как средств характеристики, например, по социальному статусу, месту проживания, роду деятельности и т.п.

Структура синтагмы-именования лица отражала иерархию идентифицирующих средств и определяла порядок их следования. Синтагматические отношения, существовавшие между компонентами именования и определявшие их выбор и последовательность, носили линейный характер. Компоненты с более широким денотативным значением всегда употреблялись после компонентов с денотативным значением более узким.

Ядро именования составляли антропонимические средства, связанные линейными релятивными отношениями. Их сочетание характеризовалось цельностью и устойчивостью, что позволяет вычленять в именовании сложную антропонимическую единицу - антропосинтему. Структура антропосинтемы определялась антропонимической формулой, определяющей состав номинативных антропонимических компонентов. Нами выделены три основные антропонимические формулы: <ИК> + <ПК>, <ИК> + <ПК> + <ФК>, <ИК> + <ФК>. По ним составлялись различные двукомпонентные и трехкомпонентные антропосинтемы. Неантропонимические компоненты могли употребляться и в начале именования. В этом случае они распространяли не только антропосинтему, а все именование целиком. Например: Синегодского погоста на бобыля на Никифора, а по прозвищу Лабуту, Исакова сына, двинского носника; Устюга Великого Сухонского стану на Максима Афонасьева сына Серебренникова деревни Шемякиной. Детерминирующий целиком все именование компонент, как правило, обозначал характеристику, наиболее важную для документа.

Нормой официального именования XVI в. являлась модель именования, включавшая антропонимическую формулу <личное имя> + <патроним>. К концу XVII в. всеми группами исследуемых памятников деловой письменности Верхнего Подвья отмечается активный переход к трех-

компонентным антропонимическим формулам. Данная тенденция была общей для всей старорусской антропонимии. Новый этап в развитии официальных норм именования характеризовался неупорядоченностью используемых средств, продуктивностью описательных конструкций, аналогических антропонимов. Отсутствие единых критериев в выборе идентифицирующих средств приводило к большой вариабельности антропонимем, соответствующих одной и той же антропонимической формуле. Вариабельность их, главным образом, была обусловлена варьированием компонентов.

Используемые деловой письменностью личные именования во многом зависели от средств идентификации лица в неофициальной сфере, были вторичны по отношению к бытовым, разговорным именованиям. Употребляемые деловой письменностью конца XVI - первой половины XVII вв. официальные именования возникали за счет преобразования именований, употребляемых в быту, подравнивания их под официальный стандарт. Ср.: *Новик Веселой - Емельян Новик Оксентьев сын Веселой* и др. Анализ именований жителей Верхнего Подвинья позволяет предположить существование в неофициальной речи антропонимем <личное имя + личное имя> и <личное имя> + <фамилия>, оказывавших большое влияние на структуру официального именования.

Для официальной антропонимической системы Верхнего Подвинья XVII в. характерно активное включение в именование различных уточняющих антропонимических средств, вводимых с целью более точной идентификации лица. Они могли распространять один из компонентов: *Микитка Решето Калинин Пыхов, кожевник; Фофонко Первущика Кузмин; на Пауту Потапова сына, по прозвищу Третьякова; Васка Кривцов, а Гундоров он же;* либо все именование в целом: *лав. Микитки Калинина Пыхова Решота; Агафонко Семенов прозвище Первущика; куз. Андриюшки Коня и Кобылка он же; Ивашко Ивановъ сынъ Стрѣленские волости крестьянинъ, по прозвищу Рожинъ* и др. Взаимозаменяемые компоненты, противопоставляемые парадигматически, в составе одного именования образовали пары коррелятов (выполняющих одну функцию), что нарушало линейность именования, его синтагматику. Корреляционные пары антропонимем целесообразно рассматривать как единый номинативный компонент антропонимической формулы. Включение в сложную номинативную антропонимическую единицу функционально-эквивалентных средств являлось признаком асистемности официального именования в XVII в.

Противоречие, возникавшее между стремлением к унификации формулы в деловой письменности, к однообразию и строгости формуляра и объективным существованием большого количества номинативных вариантов именования, достаточных и полных для каждой конкретной ситуации их употребления, приводило к вариантности официального именования в XVII в.

Для системы личных именованных наиболее характерны вариантные отношения. На уровне номинативных компонентов они обусловлены разными способами образования и различной структурой компонентов, образующих ряды функционально-эквивалентных средств идентификации лица (функциональные ряды антропонимов). На уровне именованных существовали номинативные варианты именованных и антропосинтем в целом, которые являлись коммуникативными эквивалентами, заместителями друг друга в тексте. Коммуникативно-эквивалентные антропосинтемы образовали номинативные антропонимические ряды.

Системность личных именованных в XVII в. проявлялась также в различных типах парадигматических отношений антропосинтем. Они определялись оппозициями антропонимических формул.

В парадигматических отношениях состояли антропосинтемы денотативно тождественные и денотативно нетождественные. В ряде случаев парадигматика была обусловлена деривационной связанностью единиц. Наиболее характерны для данной подсистемы формально-ассоциативные отношения, определяемые структурной мотивированностью антропосинтем. При широкой вариативности идентифицирующих средств составители документов соблюдали основные требования к их выбору. Например, в именованных "по имени и по отцу" (<ИК> + <ПК>): *Пороша Брюхатого - трапезник Худячко Тимофѣевъ - Савка Лукьяновъ прозвище Муля - Федка Иванов сын Фроловского и др.* - одна и та же информация выражалась различными средствами.

Для официального языка, стремившегося к единообразию записи именованных и нормированию состава их компонентов, особенно актуальны отношения формального тождества между антропосинтемами с разным денотативным значением: *Богдашко Прокопьевъ - Русинко Омеляновъ - Суморочко Федоровъ - Ивашко Ивановъ; Агафонко Семенов прозвище Первушка - Олферко Лукьяновъ прозвище Докучаико - Мартышко Григорьев прозвище Гостко; Федотко Семенов сын Подолских - Оксенко Фадѣевъ сынъ Фроловых - Сергушко Юрьевъ сынъ Дьяконовых - Безсонко Анкидиновъ сынъ Слудных и др.*

Стремление к формальному тождеству именованных способствовало применению писцом единого стандарта их записи. Нередко, особенно в одном документе, именованные подравниваются друг под друга. Формально-ассоциативные отношения, обусловленные омонимией апеллятивов-обозначений лица, прозвищ и фамильных прозвищ, патронимов на -овъ/-евъ/-инь и фамилий на -овъ/-евъ/-инь и т.д., могли связывать различные по структуре антропосинтемы, что вносило в именованные лица неупорядоченность.

Структура антропосинтем могла зависеть от использования дополнительных неантропонимических средств и описательных конструкций,

способных идентифицировать лицо, а также часто определялась синтагматическими отношениями между разными именованными в пределах одной клаузулы текста.

В заключении подведены итоги проведенного исследования, отмечены основные преимущества системного описания исторической антропонимии, выделены факторы, образующие антропонимию как языковую систему, и факторы, определяющие особенности ее функционирования в старорусских деловых текстах. К первым следует отнести:

- неязыковые факторы, связанные со спецификой антропонимического денотата, его основными признаками, важными для номинатора; данные признаки, способствующие выделению лица или его отождествлению с другими лицами, позволяют выделить основные антропонимические множества (личные имена, патронимы, фамилии и т.д.) и подмножества;
- деривационные отношения, связывающие антропонимы с апеллятивными единицами определенных лексических подмножеств, а также деривационные отношения единиц разных антропонимических подмножеств, определяющие антропонимическую языковую парадигматику;
- мотивационные связи, пронизывающие систему и придающие ей единство, устойчивые модели образования антропонимов;
- коммуникативную эквивалентность разных именовании одного и того же лица, позволяющую рассматривать их в пределах одного номинативного ряда.

В отличие от системы общей лексики, где основным и наиболее значимым фактором системообразования является семантика единиц, для системы антропонимии ведущими являются деривационные отношения. Специфичное значение антропонима, его соотношенность с конкретным антропонимическим денотатом, как правило, не имеет специальных формально-языковых средств выражения, но для антропонима обязательны внутренняя форма, указание на мотивирующую лексическую базу, ориентированность на определенную словообразовательную модель.

Координирующая роль системы проявлялась в формировании продуктивных моделей антропонимов. Взаимодействие различных моделей приводило к вариативности антропонимов.

Анализ памятников деловой письменности Верхнего Подвья XVII в. позволяет проследить процессы формирования и развития антропонимии особой функциональной сферы - официального именовании лица. Для деловых текстов, составленных в Верхнем Подвьяе в XVII в., характерно обилие аналитических антропонимов, описательных именовании, что можно считать стилеобразующим признаком. Функционирование антропонимов в деловой речи Верхнего Подвьяе определялось следующими факторами:

- сходство неязыковых мотиваций, определяющее и сходство функций разных антропонимов в именовании, объединение их в функциональные антропонимические ряды;
- зависимость составных именовании от неофициальной антропонимики, вторичность по отношению к ней, а потому активное проникновение в деловую речь неофициальных, ненормированных средств идентификации лица, к ним относились в первую очередь некалендарные имена и фамилии;
- зависимость от местных традиций составления деловых текстов (сравнение Устюжских, Сольвычегодских памятников деловой письменности, с одной стороны, и Устьянских волостей, с другой, показывает, что отличие их состояло в различном характере нормативности именовании, способах включения некалендарных имен и фамилий, в различной структуре женских именовании и др.);
- зависимость от внешних условий составления документа, наличия необходимой ономастической информации и характера ее источников (составленные ранее документы, свидетельства жителей и т.п.); по этим критериям существенно различались именовании горожан, крестьян пригородных волостей и жителей волостей, значительно удаленных от административных центров, причем , именовании крестьян легче подвергались нормированию, чем именовании горожан;
- зависимость от особенностей жанра документа;
- зависимость от субъективного фактора - ориентировки писца на определенные стандарты именовании, разграничение или неразграничение им официальных и неофициальных средств идентификации.

Динамика развития системы официального именовании лица в деловой письменности Верхнего Подвинья XVII в. по своей активности соответствует протеканию данных процессов в антропонимии деловой сферы других старорусских территорий, что, вероятно, отражает изменения системы делопроизводства в рамках единого централизованного государства и развитие жанров деловой письменности.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях:

1. Особенности модели именовании лица в писцовой книге Устюга Великого XVII века // Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПИ. - Вологда, 1994. - С.20 - 28.
2. Антропонимы с формантом -нца в деловой письменности Верхнего Подвинья конца XVI - первой половины XVII в. // Вопросы региональной лексикологии и ономастики. - Вологда, 1995. - С.104 - 110.
3. К проблеме системного описания антропонимии Верхнего Подвинья XVII в. // Проблемы региональной русской филологии: Тезисы докладов и сообщений, Вологда, 12 - 13 мая 1995 г. - Вологда, 1995. - С.132-133.